

МОДЕРНИЗАЦИЯ В КООРДИНАТАХ Просвещения

Арсений Александрович Замостьянов

Волшебное слово «модернизация» — последний писк политической моды. Ещё недавно паролем эпохи считалась стабильность. Незадолго до кризиса государственные мужи соревновались в сочинении самых амбициозных планов, которые потеряли актуальность поздней осенью 2008-го. Когда прошла кризисная паника, пропагандисты вновь заговорили о модернизации.

О модернизации

Реформаторы любят притчу о Моисее, сорок лет водившем евреев по пустыне. Помните, как часто ссылались на эту библейскую историю в годы перестройки и позже, во время гайдаровских реформ? Эта притча помогает реформаторам ни за что не отвечать. Да, наш капитализм отвратителен, страшен, но это тяжкий груз прошлого, издержки переходной экономики. Гайдаровская экономика действительно была переходной: бывшие рабочие и инженеры стали торговать в переходах. «Подождите сорок лет». Но спускаясь вниз, невозможно подниматься вверх, а деградация не сулит блестящих перспектив, сколько бы вы ни называли её спасительным блужданием по пустыне... Ни у одного правительства в истории не было и не будет в распоряжении сорока лет.

А уловку наших реформаторов давным-давно апробировал Ходжа Насреддин, пообещавший падишаху за двадцать лет обучить

ишака говорить на фарси. «За двадцать лет или ишак сдохнет, или падишах помрёт». Этот анекдот присоединим к притче о блужданиях Моисея — и получим современный пропагандистский миф о модернизации.

На каком свете мы находимся, проговорился Валерий Зубов, бывший губернатор Красноярского края: «За 10 лет нефтяного изобилия, которое у нас было, я назову всего лишь две цифры, связанные между собой. Мы в 2001 году поставляли машиностроительной продукции в Китай в два раза больше, чем оттуда импортировали. Сегодня мы импортируем из Китая, а это совсем недавно развивающаяся страна, в 10 раз больше машиностроительной продукции».

Это свидетельство морального банкротства управленческой элиты 1990–2000-х. Ставка на юристов и менеджеров широкого профиля привела нас к деградации. Оказывается, знаний английского языка, законов и экономической теории недостаточно, нужен профессионализм иного порядка, необходим производственный опыт. А если речь идёт о реформе образования — опыт учительский.

Мы часто слышим слово «модернизация», а в ближайшем будущем будем слышать его ещё чаще. Действительно, стоящему обществу необходим большой проект — прорывной, ведущий к прогрессу. Без осознанного движения вперёд не избежать загнивания, а то и кровопролитных распрей. Поэтому «модернизация» — это не просто очередное политическое заклинание, каких немало «упало в нашу землю». Не просто «модный тренд», как принято говорить в последние годы. Это механизм, который может заработать, а может превратиться в вулкан, извергающий вату... И ключевой вопрос здесь — отношение «верхов» к «низам», которое проявилось в идеологии инициативы «Наша новая школа».

В этом году спортсмены из России бледно выступили на зимних Олимпийских играх. В большом спорте наша страна отступает с некогда завоёванных позиций. И это при том, что денежные притоки в спорт в последние десять лет шли с купеческим размахом. При том, что политики придают спортивным победам куда большее значение, чем это было даже в идеологизированные советские годы. И государство отреагировало странным внушением: сказано, что отныне деньги в большой спорт будут поступать не через федерации и не через тренеров, а непосредственно спортсменам. То есть — двадцатилетним ребятам, которые в любой момент могут покинуть большой спорт, а не педагогам, которые отдают спорту всю жизнь и трудятся во имя спортивного престижа страны. Здесь налицо опрометчивость профессиональных политиков — от недостаточного уважения к экспертам, к профессионалам. Непонимание, что лозунгами и благими намерениями проблему не решить, если нет профильного опыта — научного и практического. Нечто похожее происходит и с пропагандистским решением школьного вопроса. Показательно, что педагоги в наше время стали наиболее внятными оппонентами политической власти. Так, учителя, объединённые одним популярным педагогическим интернет-порталом, обратились к президенту с открытым письмом, в котором критика национальной образовательной инициативы «Наша новая школа» достигает небывалого накала.

ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

Но это конструктивная критика, её авторы — профессионалы, практики:

«Чиновники прекрасно научены делать красивые показатели и умеют заставить всех вокруг плодить эти показатели в огромных количествах, при этом начальникам от образования не требуется что-то понимать в педагогике, детской психологии и физиологии, им не требуется иметь опыт работы в школе и нет нужды общаться с родителями. Видимо, поэтому в нашей стране из почти шести миллионов работников системы образования только 1,3 миллиона — учителя, работающие непосредственно с детьми, остальные — чиновники разных мастей и рангов. И число управленцев год от года только растёт.

В новые времена чиновники сами себе ставят задачи, сами их решают, сами себя оценивают и награждают. Более порочную для страны систему образования придумать трудно. Но об этом самом главном проблемном месте современного российского образования нет ни слова в национальной инициативе «Наша новая школа».

Не сказано в «Инициативе» и о другом, не менее важном аспекте: о престиже образования и престиже учителя, хотя это — важнейший инструмент в образовательном процессе. Именно это во многом определяет мотивацию детей и желание получать от школы то, что она может дать. Для повышения мотивации детей к знаниям важно работать как на авторитет знаний вообще, так и на авторитет отечественной школы и учителей. В этом вопросе нужна государственная политика, но эти проблемы не поднимаются в «Инициативе»! Зато в ней говорится о том, каким должен быть «учитель будущего» — деловым, предприимчивым, современным, профессиональным.

А.А. Замостьянов. **Модернизация в координатах Просвещения**

Кто бы поспорил, что учитель должен быть активным и профессиональным. Только вряд ли найдётся чиновник, способный внятно объяснить, почему в большинстве регионов России, вопреки высоким заявлениям, заработная плата школьного учителя или преподавателя вуза ниже зарплаты грузчика в магазине или школьного бухгалтера, охранника или уборщицы в офисе. Пока это так — разговоры о престиже профессии учителя и прихода в школу «молодых и активных» — банальное лицемерие государства».
<http://www.zavuch.info/home/74-osobo/1037-pismo.html>

Безусловно, это открытое письмо не выражает мнения всего российского учительства. Но у нас не получится отмахнуться от оценки целой группы педагогов из разных регионов страны. Это знаменательный сигнал: если учителя жёстко критикуют политическую власть, значит, ситуация внештатная, а настроение близко к отчаянию.

Народное образование — сохранится ли оно в приоритете?

Наше народное образование стремительно раздваивается на элитарное и горемычное. Одним школьникам выпадает участь путешествовать в комфортабельных вагонах быстрого «Сапсана», другим — трястись в пропахшей дёгтем телеге. И у этого большинства всё меньше шансов. Может быть, государству не нужны образованные, мыслящие массы, и мы строим общество образованной элиты и тёмной массы послушных потребителей? Но это конец народному образованию.

Общее дело, огромный, под стать России, созидательный проект — вот достойная цель, которая может направить энергию целого народа не на прозябание, не на бессмысленную агрессию, которая, увы, царит у нас на улицах и хозяйничает в молодых умах... Одиночки на такое не способны. Скажете, а причём здесь школа, просвеще-

ние? Да просто в истории Англии и нынче остаётся крылатым выражение: «Битва при Ватерлоо была выиграна на спортивных площадках Итона и Харроу». Бисмарк выразился ещё конкретнее: «Битву при Седане выиграл немецкий школьный учитель».

С XVIII века лучшие умы, верившие в прогресс, связывали движение вперёд с Просвещением. Окрепла уверенность, что только Просвещение способно исправить несовершенство мира. Не под ударами кнута можно вести общество вверх по крутой лестнице, а от урока к уроку. Пушкин вложил в уста царя Бориса благородную догадку: «Наука сокращает нам опыты быстротекущей жизни». Любимые учителя Пушкина — Кошанский, Карамзин, Жуковский — были рыцарями Просвещения. Мироззрение поэта формировали Вольтер, Дидро, Руссо, Ломоносов. Без их уроков пушкинский царь Борис нипочём не осилил бы такой просветительской логики!

В любом случае, проект «Наша новая школа» становится реальностью. Нам предлагается модернизированная стратегия образования. Школа должна более осознанно учитывать интересы и потребности государства, семьи, учащихся и работодателей. Это непростая задача: в таком многоугольнике почти неминуемы перекосы.

Самые отрадные тенденции современной школы связаны с исправлением ошибок предшествующего времени. Прообраз новых программ реформы образования создавался в Москве в самое трудное время — в 1994—95-м. Та программа — «Столичное образование» — не стала для московских школ пустым звуком. Каждый год открывались новые школы, повышались учительские зарплаты. Было время, когда директор школы А.Г. Каспржак говаривал учителям: «Только не сравнивайте свою зарплату с зарплатами водителей автобусов и с курсом доллара! А то вам станет дурно». Сегодня — особенно в кризисные годы — московская школа стала

островком финансовой стабильности. Стоит назвать проекты «Школа будущего», «Школа здоровья», «Школа информатизации». Московская школа — это не просто социальный загон, где дети и подростки проводят от семи до десяти лет... Несколько лет назад в России началась опрометчивая борьба со школьными сочинениями... Изложение чужих мыслей, копирование заёмного литературного стиля повсюду заменило практику сочинений по литературе. Но в этом году московский департамент образования принимает решение вернуть сочинения в школу! Московские десятиклассники будут писать шестичасовые сочинения. Разумеется, к ним будут готовиться целый год, а это означает ежемесячные сочинения, над которыми школьники будут работать и дома, и на уроках литературы. А ведь поколение, воспитанное без сочинений, оказалось неспособным выразить сложные мысли, различные оттенки идей и чувств. Это видят и работодатели, и родители. Надеюсь, что шестичасовые московские сочинения остановят деградацию. Во что ещё верить, если не в силу просвещения?

Я оканчивал школу, которая выражала чаяния перестройки восьмидесятых. Талантливые педагоги А.Г. Каспржак и М.В. Левит создали тогда Педагогическую гимназию, что на задворках Преображенки, на Пугачёвке. Перестроечная Москва — это не только «длинные вереницы» очередей за водкой и крепённым вином, в которых был уместен фольклор: «Спасибо вам, премьер Рыжков, что я без мыла и носков». Не только митинги с участием академика Сахарова, штангиста Власова и министра строительства Ельцина. Не только концерты «Ласкового мая». На школьных партах лежали номера «Юности» с публикациями Бердяева и Льва Гумилёва. Они шли в ход на уроках истории и философии. Двуступной стала прежде нежелательная литература, и учителя стремились тут же познакомиться старшеклассников с платоновским «Котлованом» и «Собачьим сердцем» Булгакова. Многие из нас хмелили от воздуха свободы и становились заядлыми читателями актуальной «толстожурнальной» публицистики. То было время равнодушных людей по обе стороны учительского стола и расцвет авторских программ по всем школьным дисциплинам. Наши учителя задерживались в школе до

ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

позднего вечера, не беспокоясь о доплатах и человекочасах. Методические дискуссии сменялись репетициями школьного театра или подготовкой к познавательным путешествиям по России. На лесных полянах, у древних стен Владимира, под сенью Петропавловской крепости устраивались «мозговые штурмы», которые врезались в память, эмоционально обжигали. Нас готовили в педагоги счастливого будущего, и я ни в каких Парижах не встречал таких учителей, как наша словесница Наталья Сергеевна Рушакова и историк Михаил Владимирович Левит, славные московские педагоги. Они изящно и неотразимо отдавали нам всё. Такой была наша новая школа эпохи перемен — я говорю не только о моей Педагогической гимназии, такова была музыка времени. Уникальный опыт, в котором советская обстоятельность соединялась с дарами гласности, увы, накрыла рыночная волна девяностых... Немногие надежды перестройки сбылись. По существу, с 1992-го началась эпоха контрпросвещения.

Сегодня приходится говорить о люмпенизации наших школьников, о подростковом экстремизме, а точнее, об одичании. Нередко унижение достоинства учителей отзывается в потере достоинства их учениками. Это закономерный процесс, и он ещё только развивается. «Собственных Платонов и быстрых разумом Невтонов» мы ещё долго не дождёмся, если не изменим своего отношения к школьному образованию, к научному мировоззрению, которое должно стать государственной идеологией.

История всегда даёт то, в чём мы особенно остро нуждаемся. Правда, нам не всегда достаёт прозорливости, чтобы воспользоваться этими дарами. Дурное само прилипает к человеку, а к добру нужно карабкаться, подниматься, преодолевая одышку. В 1960-е годы, когда общество должно было

А.А. Замостьянов. **Модернизация в координатах Просвещения**

освободиться от жестоких, *чрезвычайных* принципов существования, всенародно известным мыслителем стал педагог Василий Александрович Сухомлинский. После войны, после громких гимнов вождям и великим стройкам, которые пронизывали школьную программу, понадобился учитель-проповедник, заговоривший о душе, о сердечности, о тонкостях детской психологии. Подчас только дух гуманизма удерживает технократов от самоуничтожения, от жестокой конкуренции, от изнуряющей классовой борьбы. Потому и явился Сухомлинский, потому и сумел директор скромной Павлышской школы стать властителем учительских дум. Ему удалось преодолеть сопротивление догматиков, перетерпеть травлю. Официальное признание последовало за неформальным, и Сухомлинский стал Героем Социалистического труда. Как такое могло произойти? Наверное, ветер истории дул в его паруса — на наше счастье.

С той поры прошло полвека. И ветра дуют совсем другие. Мы живём в условиях гуманитарного бума, в котором нет ничего дурного, если бы не повсеместное притеснение точных наук. За последние двадцать лет у нас не появилось ни одного всенародно известного инженера, геолога, физика... Россию называют энергетической сверхдержавой. Всё чаще звучат предупреждения о пагубности «нефтегазовой иглы», к которой привыкает финансовая и управленческая система страны. Но как из самого кислого лимона можно сделать лимонад, так и «нефтянка» могла бы стать локомотивом высоких технологий, помочь оздоровлению идеологического климата в стране. Какие профессии популярны у школьников? Юрист, экономист. Многие мечтают найти себя в шоу-бизнесе, на телевидении, в мире рекламы. Это пирожные, а где же чёрный, насыщенный хлеб? Вам не назовут профессию горного инженера или геолога. Когда ослабевают техническая интеллигенция — и гуманитарии за деревьями не видят леса, теряют способности к созидательному служению, к высокому творчеству. Без рацио-

нальной осмысленности все наши порывы оборачиваются пустыми заклинаниями. Без опоры на точную науку гуманитарии — те самые юристы, экономисты и красноречивые комментаторы всего на свете — превращаются в профессиональных пенкоснимателей. На шатком фундаменте пиартехнологий невозможно модернизировать Россию. Диктатура пиара, порождающая бутафорские ценности, по-русски называется просто и ясно: пустозвонство. Поэтому уже в прологе модернизации нужно думать о престиже точных наук в школьной среде.

Образование как фактор безопасности

Пятьдесят два года назад, 24 февраля 1958 года в своей речи перед университетской аудиторией Джон Кеннеди признался:

«Мы в кризисе. Не русские спутники положили ему начало. Американский «Эксплойер» не положил ему конца. Кризис носит не только военный характер. Величайшая опасность, угрожающая нам, не ядерное нападение. Голая правда такова: мы подвергаемся величайшей опасности проиграть титаническое соревнование с Россией, причём при этом не будет запущена ни одна ракета. Год назад при обсуждении внешних дел, вероятно, не упомянули бы просвещения. Сегодня мы не можем избежать этого. Я не знаю, верно ли, что битва при Ватерлоо была выиграна на площадках для игр в Итоне. Однако не будет преувеличением сказать, что битва, которую ведём мы сейчас, может быть выиграна или проиграна в школьных классах Америки.

...Русские тратят в два с половиной раза больше от своего национального дохода на образование, чем мы. У них учитель приходится на семнадцать учеников, у нас — на двадцать семь... В их школах в прошлом году было

выпущено 1,5 миллионов учеников с основательным знанием арифметики, алгебры, геометрии, астрономии, тригонометрии. Мы выпустили менее 100 000 учеников с некоторой подготовкой в высшей математике!.. Русские выпускают в десять раз больше инженеров, чем поколение назад, и в 2,5 раза больше, чем США.

...Мы должны положить конец такому положению, когда только четверо из пяти наших лучших школьников оканчивают школу и только двое из пяти идут в колледж. Мы не можем позволить себе платить преподавателям в колледжах и школах, развивающим умы наших детей, меньше, чем мы платим слесарям и водопроводчикам, обслуживающим наши дома.

...Если согласиться с нашим бывшим министром обороны в том, что в теоретических исследованиях «нельзя заранее знать, куда идём», тогда наши учёные будут заниматься только прикладными вопросами. Если вы презираете интеллигенцию, мешааете учёным и вознаграждаете только спортивные достижения, тогда будущее действительно мрачно».

Трудно найти более актуальные и более горькие слова для нашей нынешней действительности. Ведь за последнее время мы успели утратить всё то, что вызывало у Кеннеди и уважение, и желание у нас учиться. Молодой президент Соединённых Штатов не мыслил модернизации без школьного прорыва. Он проанализировал послевоенный рывок Советского Союза от разрухи к статусу ядерной и космической сверхдержавы и осознал, что тайна заперта за семью печатями в обыкновенных ученических тетрадах! Блистательные школьные курсы точных наук, общественное доверие к учителю, система отбора способных математиков и физиков — как это важно. А мы сегодня, насы-

ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

щая школу иллюзорными, болтологическими курсами, изгоняем из школьной программы астрономию и тригонометрию.

В том же 1958 году конгресс США принял «Закон об образовании в целях обороны», впервые в истории Соединённых Штатов введший студенческие стипендии. Этот жест был своеобразным признанием огромных успехов Советского Союза в деле просвещения. Между прочим, американцы увязывали получение стипендии с доказательствами политической лояльности. Скажем, студентам, настроенным прокоммунистически, стипендия не полагалась... Многозначительно и название закона — «Об образовании в целях обороны». Народное (массовое!) образование воспринималось как фактор безопасности.

История сделала виток — и новый президент США Барак Обама вынужден произносить такую же горькую правду об американской школе, как 52 года назад Кеннеди. Обама заявил, что в современной Америке миллионы детей не получают достаточного образования. Он сетует, что точные науки в Штатах преподаются хуже, чем даже во многих развивающихся странах! «Я не хочу просто говорить о том, как велика роль учителей. Я хочу быть президентом, который будет вознаграждать их за их труд», — говорит Б. Обама. А как ещё можно преодолеть кризис? Через полвека американская система школьного образования снова нуждается в модернизации. Эта логика действует не только за океаном. И мы в России не можем не ощущать необходимость нового прорыва.